

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге, как легко догадаться по ее названию, речь пойдет о разных взглядах на пути развития различных стран и народов. Если сформулировать просто и ясно, то ставятся два вопроса. Первый: заживет ли мир «единым человеческим общежитием» (В. Маяковский)? Второй же зависит от ответа на первый. Если нет, то каковыми будут эти разные миры? Если да, то каким будет это «общежитие»?

Автор склонен считать, что идея о едином человечестве не менее утопична, чем вера в жизнь после смерти. Эти строки пишутся в самом начале июня 2020 г., когда в интернете и на телеэкранах — бунтующая Америка под лозунгом «Black lives matter» (жизни черных имеют значение). «Плавильный котел» не получился, расовый мир не настал. Что тогда говорить о мире в целом! Кто-нибудь может в самых смелых полетах фантазии вообразить китайцев и американцев в одном государстве, живущих по одним законам и правилам? Могут возразить, мол, в США полно китайцев, которые встроились в американский социум и, как правило, гораздо лучше, чем темнокожие американцы. Однако одно дело приспособиться к чужому дому, а другое — построить свой такой же. И если китайцам на Тайване в силу исключительных обстоятельств удалось стать Западом, утвердить в своем сообществе его базовые институты, то материковый Китай разочаровал наивных прогнозистов: несмотря на рыночные реформы, он отходит все дальше от человеческих прав и свобод, превращая людей в цифру во внедряемом социальном рейтинге.

Ответ автора на первый вопрос, таким образом, прост: не будет никакого «общечеловеяника», а мир будет пребывать в условиях обостряющегося в наше время конфликта между силовой цивилизацией (Китай, Россия, Иран) и правовой, к которой можно отнести страны,

привычно именуемые рыночными демократиями. И хотя в последнее время у них далеко не все так просто, тем не менее они еще удерживают (лучше или хуже — это уже другой вопрос) верховенство права и право самопринадлежности человека (его собственность на самого себя). Уже сам этот факт порождает со стороны силовых цивилизаций то, что в книге названо институциональной агрессией. Так что «общезитье» не будет единым.

В то же время автор ставил задачу не столько выразить собственные взгляды, сколько систематизировать и показать взгляды других. После Второй мировой войны был сформулирован альтернативный коммунизму проект «единого человеческого общезитья»: обретшим независимость по окончании эпохи колониализма странам американские интеллектуалы предложили другой вариант развития, — идите в демократический капитализм, становитесь по мере сил похожими на США. Смотрите, как мы хорошо живем! И вы, если очень постараетесь, то сможете обрести свое счастье на этом пути. Это направление общественной мысли было названо теорией модернизации. В наши дни его стали стесняться, но программы структурных реформ МВФ и Всемирного банка до сих пор несут в себе это видение. Хотя и не называют его по имени. Впрочем, не отказываться же им от абстрактно верных рецептов, если даже многие клиенты не переносят снадобье.

Однако теория модернизации не умерла. Ее пытаются спасти, существенно модифицировав. Об этом подробно говорится в книге. При этом обычно торжествует характерное для современных западных авторов двуличие, именуемое политкорректностью: слово «модернизация» оставим, оно может понравиться лидерам незападных стран, а слово «вестернизация», безусловно, отбросим, так как программа вестернизации уж точно будет ими отвергнута. Это, конечно, не пишут, но подразумевают. Есть и тенденция связывать модернизацию со становлением гражданских прав (в первую очередь прав собственности), а вестернизацию — с правами политическими, без которых успешное развитие вполне может иметь место (теория авторитарной модернизации).

Автор старается занимать позицию над схваткой — описывает, излагает, но абсолютно ничего не делит по критерию «хорошо — плохо». Первая глава книги представляет теорию модернизации глазами ученых из КНР. Они детально изучили и, как говорится, разложили

по полочкам западные теории модернизации. Увидим, как они это сделали. В то же время им надо было изложить и свое видение. Для ориентирующегося в современном мире читателя не надо специально упоминать, что это — точка зрения ЦК КПК. Нужно было обойти острые вопросы. И они фактически создали свой вариант теории авторитарной модернизации: для них и первичная, и вторичная, и интегрированная модернизации (что это такое — узнаем далее) — просто политически нейтральные типы развития. И разработанные в Китае индексы модернизации никак не привязаны к каким-нибудь правам (даже правам собственности, не говоря уже о такой «ужасной» вещи, как права человека). Еще заметим, что первая глава получилась несколько утомительной для чтения, поскольку в ней излагаются многие азы концепции модернизации в их китайской классификации и интерпретации. Тех, кого больше интересуют другие проблемы, могут без ущерба начать чтение со второй главы.

Во второй главе от китайских авторов (точнее, автора, поскольку китайский вариант теории модернизации разработан одним человеком, с творчеством которого и познакомимся) переходим к авторам из западного мира. И сразу замечаем принципиальное различие: широкая палитра мнений вместо проведения одной точки зрения. При этом модернизация не рассматривается в отрыве от демократизации. Если экономическое развитие не ведет к ней, то теория модернизации считается провалившейся. В России тоже дискутируется вопрос о модернизации — в центре внимания оказалась проблема так называемой низовой модернизации. В заключение этой главы автор предлагает собственное видение, которое не навязывает определенное мнение, а предоставляет читателю возможность судить самому о том, что есть модернизация. В зависимости в конечном счете от собственных ценностей и в соответствии с ними он сможет ответить себе, например, на такой вопрос: можно ли говорить о сталинской модернизации или нет?

Третья глава посвящена конфликту двух цивилизаций (по мнению автора, на Земле их ровно две, и не больше): правовой и силовой. Рассматривается институциональная конкуренция между ними. Большая часть XX в. прошла под знаменем их конфликта, и XXI в. определенно демонстрирует его же, но в новом качестве. При этом место лидера силовой цивилизации вместо СССР занял Китай. Институциональная конкуренция цивилизаций протекает через институциональную

агрессию: каждая стремится навязать свой социальный порядок другой. Силовая цивилизация имеет в качестве институциональной опоры власть-собственность — власть имущие владеют всем (вплоть до людей); правовая стоит на разделении власти и собственности, что опускает власть имущих на роль наемных менеджеров, из всемогущих господ — в слуги. При столь диаметрально противоположных социальных устройствах поля для компромисса в длительном периоде не существует: встает пресловутый вопрос «Кто кого?». При чем тут модернизация? При том, что она раздваивается не только концептуально, но и на практике. Силовая цивилизация с удовольствием модернизируется во всем, что не касается основ власти-собственности и права человека на самопринадлежность. Это — адаптационная модернизация, которой вестернизация в сколько-нибудь критических дозах противопоказана. Страны же, принимающие правовую цивилизацию, в первую очередь проводят вестернизацию (страны Балтии — очень хороший пример).

В четвертой, заключительной, главе для начала показаны исторические истоки конфликта цивилизаций. Естественно, в старые времена он не мог быть глобальным. Он распадался на локальные противостояния, одним из которых был более чем 300-летний конфликт Московии и Великого княжества Литовского, впоследствии Речи Посполитой. Естественно, что последняя представляла лишь ограниченные качества правовой цивилизации. В то время и не могло быть иначе. Однако их хватило, чтобы патримониальное государство Московии видело в них экзистенциальную угрозу, которую нужно уничтожить любой ценой. Институциональное наследие сказалось на будущих судьбах. Страны Балтии не приняли коммунизм, обрели независимость в период между мировыми войнами. СССР превратился в Московию 2.0. И после распада СССР зависимость от исторического пути осталась. Страны Балтии в международных рейтингах свобод оказываются выше некоторых стран Западной Европы. Россия в этой сфере не отличается от стран Центральной Азии («постсоветских султанатов»). Институциональная матрица России, состоящая из власти-собственности, сословности, имперства и государственной идеологии, пройдя известные пертурбации в 1990-е гг., полностью восстановила себя в модернизированной по сравнению с советскими временами форме. В итоге получилась Московия 3.0. Это общество можно назвать

рыночным сталинизмом, хотя от рыночной экономики оно заметно отличается: тут имеет место административно управляемый рынок. Рыночному сталинизму отвечает и социально-культурный тип человека, политическая культура которого вбирает в себя образ Сталина как олицетворения правильного (справедливого) социального порядка.

Есть ли это особый путь России? Критики теории особого пути правы, когда не видят в нем некоей высшей миссии, о которой в той или иной форме любят утверждать адепты этой теории. Однако такая критика обычно переходит с критики нормативных утверждений на отрицание реальности. С точки зрения этих критиков, которые привержены несколько устаревшей разновидности теории модернизации, все страны, пусть кривой и трудной дорогой, но придут к демократическому обществу с устойчивой рыночной экономикой. Модернизация — это не просто возможность, а чуть ли не закон наподобие законов природы. Посему любые отклонения от институциональных стандартов западной цивилизации (что в России, что в Китае) — это, по их мнению, не собственный путь, а некое торможение в продвижении к модернизационному идеалу. Деваться некуда, стоит только подождать (даже иногда называются сроки ожидания) — и он будет более-менее достигнут.

По мнению же автора, у человечества нет магистральной дороги. Есть две цивилизации и разные пути, которыми движутся страны. Выскочить из цивилизационной колеи возможно, но очень сложно. Это не закономерность, а случайный процесс, связанный с уникальным сочетанием критических развилок. Движение же по собственному пути означает не застой, а адаптацию к внешним вызовам. К настоящему времени Китай адаптировался к вызову правовой цивилизации гораздо лучше, чем Россия. Поэтому он и берет на себя роль лидера в противостоянии ей. Может ли Россия сойти с собственного пути? Или, говоря языком политических лозунгов, будет ли Россия свободной? В заключительных фразах четвертой главы автор пытается ответить на этот вопрос, не настаивая при этом на уникальности личного мнения и собственной правоте.

Данная книга была бы невозможна без поддержки Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге и дискуссий с его сотрудниками. Концепция ее автора не разделяется ими, но это особо ценно. Открывается возможность сталкиваться

с самыми разными возражениями и искать новые аргументы в защиту собственной точки зрения. Хочется высказать благодарность Дмитрию Травину и Владимиру Гельману за их квалифицированный анализ рукописи, терпение и благородное умение видеть в иных подходах только предмет научной дискуссии. Много нового и интересного я узнал в ходе семинаров Центра от Николая Добронравина, Дмитрия Ланко, Павла Усанова и Андрея Щербака. Профессор Европейского университета Михаил Кром исследованиями конфликта Московской Руси и Великого княжества Литовского открыл для меня очень важную информацию. Его критический анализ авторского взгляда на происхождение институциональной матрицы и политической культуры Московии не менее ценен. Социолог Мария Мацкевич внесла свою критическую лепту в оценку моих подборок социологических опросов. Это дало мне стимулы искать альтернативные результаты опросов, правда, без большого успеха.

В заключение хочу высказать признательность супруге — Ярославе Дмитриевне Ширяевой, которая заботливо обеспечивала мой быт на карантине, а также COVID-19, который избавил меня от выездов к студентам в Высшую школу экономики.